

Природопользование глазами министров земледелия и государственных имуществ Российской империи

Н. С. Цинцадзе

Для цитирования: *Цинцадзе Н. С.* Природопользование глазами министров земледелия и государственных имуществ Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 3. С. 733–748. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.304>

Статья посвящена специфике отражения в отчетах министров земледелия и государственных имуществ результатов их служебных поездок по Российской империи и их оценке проявлений интенсивного хозяйственного использования природных ресурсов. Также анализируется влияние мнений и предложений министров на государственную политику природопользования. Основным методологическим подходом стали идеи экологической истории — междисциплинарного научного направления на стыке гуманитарных и естественных наук, в центре внимания которого находятся различные аспекты взаимодействия человека и природы. Наряду с Государственным контролем, сенаторскими ревизиями, ежегодными отчетами министров и губернаторов доклады министров о результатах их служебных поездок создавали общую картину осведомленности верховной власти о положении дел в стране. Представлен анализ 11 докладов М. Н. Островского и А. С. Ермолова за 1880–1900-е гг. В статье использованы архивные и опубликованные источники. Отмечается двойственность восприятия министрами проблем природопользования: им приходилось балансировать между задачами максимального использования природных ресурсов в экономике страны и необходимостью их охраны от чрезмерного истощения. Зачастую размышления и предложения министров по рациональному и бережному отношению к ресурсам учитывались в процессе принятия государственных решений. Так, с конца XIX столетия в стране активнее проводились мелиоративные, лесовосстановительные и иные мероприятия. Параллельно с этим шло интенсивное освоение ресурсов Урала и Сибири. Делается вывод о том, что поездки министров земледелия и государственных имуществ по стране сыграли важную роль в выявлении, диагностике и частичной минимизации экологических проблем пореформенной России. Однако государственное природовосстановление не компенсировало в должной мере нанесенный окружающей среде антропогенный ущерб. Причиной этого было то, что для государства приоритетными были вопросы геополитики и экономического развития, а это приводило к экстенсивному характеру использования природных богатств и их истощению.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство земледелия и государственных имуществ, М. Н. Островский, А. С. Ермолов, природные ресурсы, природопользование, экологическая история, охрана природы.

Нина Сергеевна Цинцадзе — канд. ист. наук, доц., Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, Российская Федерация, 392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33; tsintsadze@tsutmb.ru

Nina S. Tsintsadze — PhD (History), Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, 33, ul. Internatsional'naya, Tambov, 392000, Russian Federation; tsintsadze@tsutmb.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Nature Management from the Perspective of the Ministers of Agriculture and State Property of the Russian Empire

N. S. Tsintsadze

For citation: Tsintsadze N. S. Nature Management from the Perspective of the Ministers of Agriculture and State Property of the Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 3, pp. 733–748. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.304> (In Russian)

The article examines how the reports of ministers of Agriculture and State Property reflected the results of their official trips across the Russian Empire and their evaluation of the manifestation of intensive use of natural resources. It also analyses the impact of their opinions and suggestions with regard to the state nature management. The main methodological approach lies in the ideas of environmental history — an interdisciplinary scientific area devoted to various aspects of interaction between man and nature. Ministerial notes on the results of their official trips, along with the State Audit Office, senatorial audits, annual reports of ministers and governors, created an overall picture of the state affairs for the emperor. The article presents an analysis of 11 reports by M. N. Ostrovskii and A. S. Ermolov for the 1880s–1900s based on the archival and published sources. The duality of perception of environmental problems by ministers is noted: they had to balance between the maximum use of natural resources for the economy and the need to protect them from depletion. Often, the ministers' suggestions on the careful nature management were taken into account in the government decisions. Thus, since the end of the 19th century, reclamation, reforestation, and other activities had been actively carried out. Also, there was an intensive development of the Ural and Siberian resources. The trips of the ministers of Agriculture and State property played an important role in identifying, diagnosing, and minimizing the environmental problems. However, the state nature restoration didn't adequately compensate anthropogenic damage to nature. That was because the state paid more attention to geopolitical and economic development, which led to the extensive use and depletion of natural resources.

Keywords: Russian Empire, Ministry of Agriculture and State Property, M. N. Ostrovskii, A. S. Ermolov, natural resources, nature management, environmental history, protection of nature.

Введение

Россия является одной из обширных по площади и богатейших по запасам и разнообразию природных ресурсов страной мира. От разумного и бережного их хозяйственного использования зависят ее устойчивое развитие и процветание. Обострившиеся экологические проблемы современности инициируют исследование их происхождения и опыта преодоления. По-прежнему актуально утверждение: «Новое — это хорошо забытое старое». При этом с учетом развития технологий появилась возможность внести коррективы в решение экологических проблем и создать пример их минимизации и устранения для будущих поколений. В этом помогает такая междисциплинарная отрасль знаний, как экологическая история, изучающая различные аспекты взаимодействия природы и человека¹. Питающая-

---

¹ См.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия / отв. ред. М. П. Ким. М., 1981; Историческая экология и историческая демография / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003; Человек и природа: экологическая история / под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемейера, Ю. Лайус. СПб., 2008; Дурновцев В. И. Российская экологическая история (Environmental History):

яся идеями исторической географии, исторической экологии, философии, этики, экоистория позволяет комплексно рассматривать события прошлого, устанавливать консенсус между антропоцентризмом и природно-географическим детерминизмом.

В России со времен зарождения государственности доминирует властечцентризм на фоне слабых общественных институтов. Верховная власть с сильно разветвленным и централизованным аппаратом управления возлагала на себя ответственность за все сферы жизни в стране, в том числе за распоряжение природными ресурсами. От того, кто и как распоряжался богатствами страны, зависели благосостояние России, ее элиты и народа, безопасность, а также уровень экологического равновесия в окружающей среде обитания. Центральным ведомством, управлявшим наряду с сельским хозяйством и государственными крестьянами огромным комплексом принадлежавших государству земель, недр, лесов, водных и биологических ресурсов, было учрежденное в 1837 г. Министерство государственных имуществ, позже последовательно именовавшееся Министерством земледелия и государственных имуществ, Главным управлением землеустройства и земледелия, а затем Министерством земледелия. По сути, этому министерству были вверены обширные природные ресурсы страны. Разумеется, эксплуатация естественных богатств страны осуществлялась совместно с иными ведомствами, в том числе финансового и силового профиля.

Информативным и ценным историческим источником являются адресованные императору доклады министров этого ведомства, подготовленные ими в виде отчетов по итогам специально организованных служебных поездок в отдельные районы империи. С 1880-х гг. руководители Министерства земледелия и государственных имуществ регулярно совершали рабочие поездки по империи с целью инспектирования деятельности ведомства на местах, проверки состояния сельского, лесного, водного хозяйств, горного дела в стране. Полагаем, что практику поездок по стране министров государственных имуществ с целью личного знакомства с фактическим положением дел и деятельностью чиновников на местах впервые ввел М. Н. Островский, до назначения главой этого ведомства работавший в Государственном контроле и привыкший к ревизионному стилю управления². До этого по стране ездили в основном представители министерств внутренних дел, финансов и юстиции.

Всеподданнейшие доклады министров государственных имуществ об итогах служебных поездок по стране относятся к виду делопроизводственных источников, к группе их разновидностей, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений. Итоговый отчет о поездке в виде аналитического доклада министры направляли императору. В документе ими обобщались собранные факты, выявленные проблемы и варианты их решения, а также соображения по улучшению курируемой им отрасли в целом. Всеподданнейшие отчеты министров были одним из каналов официального взаимодействия центрального отраслевого аппарата управления и верховной власти. Наряду с Государственным контролем, сена-

---

штрихи к недорисованному портрету // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды. Вып. 1. М., 2019. С. 17–31.

² Воронов И. И. Министр государственных имуществ М. Н. Островский // Клио. 2014. № 10. С. 117.

торскими ревизиями, ежегодными отчетами министров и губернаторов они создавали общую картину осведомленности государственных правителей о положении дел в государстве. Притом что ежегодные отчеты министров составлялись нерегулярно, а их структура и содержание не были жесткими и зависели от усмотрения конкретного министра, отчеты министров о командировках являются важным историческим источником, который позволяет детальнее изучить историю развития отдельных министерств, лучше определить специфику, механизм и эффективность их функционирования. В силу закрытого типа общества доклады министров выполняли важную функцию транслирования сведений с мест до высшей власти о реальном состоянии дел во вверенной им отрасли. Они дополняли ежегодные сводные аналитические материалы Министерства государственных имуществ о природных богатствах, которые готовились для императора под руководством министра. Эти размышления имели высокую вероятность быть учтенными верховными правителями в процессе принятия государственных решений применительно к конкретному вопросу и в целом на уровне внутригосударственной политики.

В отличие от сенаторских ревизий и ежегодных губернаторских отчетов, доклады министров о совершенных поездках попадают в поле зрения исследователей крайне редко, а если упоминаются, то весьма фрагментарно. Между тем по иерархии доклады занимали высокое место в структуре управленческой документации второй половины XIX — начала XX в. Информационный потенциал министерских докладов, сделанных ими по итогам командировок, довольно высок и в полной мере не оценен специалистами. В частности, отчеты о поездках министров государственных имуществ содержали сведения не только о различных аспектах социально-экономического развития империи, но и интересные природно-географические и национально-культурные факты. Зачастую поездки носили тематический характер, например с целью изучить состояние горной промышленности Урала. Поездки министров были разновидностью инспектирования. В многоуровневой системе государственного контроля отчеты о поездках министров по стране занимали особую нишу и были направлены на уточнение и проверку разнообразных сведений, поступавших в государственный аппарат.

Доклады министров о поездках не относились к числу массовых, формализованных и стандартизированных делопроизводственных документов, поэтому порядок их подготовки специально не регламентировался. Составитель доклада во многом руководствовался общими административными правилами подготовки официальных документов, адресованных императору. Объем докладов варьировался от нескольких десятков до полутора сотен страниц. Его текст оформлялся в свободной форме и логично структурировался по разделам. Во вводной части, как правило, сообщалась цель поездки, характеризовалось общее состояние дел в инспектируемой сфере, перечислялись задачи выездной проверки. Основная часть доклада состояла из подробного анализа увиденного и услышанного по пути следования и по прибытии на место. В заключении отчета министр подводил итог ревизии и вносил предложения по дальнейшему развитию и улучшению проверенной области государственного управления. Часто среди сухой, бюрократической информации встречаются лично окрашенные характеристики увиденного, впечатления и размышления высокопоставленного чиновника о российских проблемах, многие из которых носили застарелый характер. При этом важно то, что

отчеты о поездках отражали официальную позицию главы ведомства о подходах в управлении вверенной им отрасли. Вместе с тем отчеты несут отпечаток субъективности, что следует иметь в виду в ходе источниковедческого анализа. В связи с этим необходимо учитывать личность министра, который составлял отчет о служебной поездке по стране, его профессиональные интересы, управленческий и жизненный опыт. Как и любой письменный исторический источник, доклады министров государственных имуществ требуют критического анализа и верификации представленных в них данных, которая возможна при перекрестном источниковедческом анализе. Однако даже в качестве моноисточника эти доклады обладают высоким уровнем репрезентативности, ведь, прежде чем отправиться в поездку, министр изучал и систематизировал целый комплекс необходимых материалов, некоторые из которых до нас не дошли, но благодаря включению в отчет можно составить представление об упомянутых фактах, а также восполнить возникающие в исследовании пробелы. Высока вероятность и того, что инспектирование инициировалось после изучения отчетов подчиненных и выявления проблем, требующих, как бы сказали сейчас, «ручного управления». По месту прибытия столичный чиновник знакомился не только с устными и письменными рапортами своих подчиненных, но и воочию мог удостовериться в верности сообщенной им информации и сделать выводы, опираясь на собственные знания о состоянии конкретного предмета управления. Следует особо отметить, что министры в отчетах не приукрашивали действительное положение дел, а, напротив, сознательно выделяли трудности правоприменения отдельных законодательных положений, реализации разработанных в центральном аппарате управления конкретных мер развития, а также проблемы, к которым необходимо было привлечь внимание верховной власти. Эта особенность источника придает ему дополнительную ценность.

Цель данного исследования состоит в изучении того, как в отчетах министров земледелия и государственных имуществ отражены результаты их служебных поездок по Российской империи, как они оценивали проявления и последствия интенсивного хозяйственного использования природных ресурсов, а также в анализе влияния их мнений и предложений на государственную политику природопользования. В исследуемое время не существовало понятия «экологические проблемы». Однако это не означает, что экологических проблем в виде засух, резких колебаний климата, обмеления и засорения рек, сокращения популяции ценных пород рыб, роста площади оврагов, песков, изменения экосистемы лесов, степей и иного вовсе не было. Уже тогда современники подмечали взаимосвязь между экономической деятельностью и ее негативными последствиями, которые воспринимались как природные напасти за чрезмерное воздействие человека на среду обитания. Несмотря на то что понятие «экология» было введено в научный оборот немецким естествоиспытателем Э. Геккелем в 1866 г., а экологическая политика как самостоятельное направление в деятельности государств появилась лишь во второй половине XX в., отдельные элементы природоохраны обнаруживаются гораздо раньше³. Российская власть также не оставалась безучастной к явным проблемам экологического характера: периодически вводились ограничения на лесопользование, лов рыб,

³ A Companion to Global Environmental History / eds J.R. McNeill, E.S. Maudlin. Oxford, 2012; The Oxford Handbook of Environmental History / ed. by A. Isenberg. Oxford, 2013; *Радкава Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014; и др.

организовывались научные экспедиции, велись обсуждения выявленных проблем с видными учеными и земскими деятелями, проводились мелиоративные, лесовосстановительные и иные работы⁴. Существенную роль в инициации этих мероприятий играла информированность государства о конкретных экологических проблемах. Нередко вопросы состояния окружающей среды были предметом не только научной, но и общественной дискуссии. Так, например, в XIX — начале XX столетия в обсуждении причин климатических изменений в степном регионе империи участвовали ученые, чиновники, врачи, рядовые помещики, писатели⁵. Именно это обусловило наш исследовательский интерес к особенностям отражения в документах о командировках министров профильного ведомства вопросов, связанных с использованием ресурсов. Важно при этом определить, какую роль они сыграли в общей природоресурсной политике России позднеимперского периода.

Опираясь на классические методы исследования нарративных источников (исторический, историко-генетический, проблемно-хронологический и др.), мы проанализировали 11 отчетов о служебных поездках в отдельные районы Российской империи в период 1880–1900-х гг. двух министров земледелия и государственных имуществ — М. Н. Островского и А. С. Ермолова. Их личности примечательны тем, что М. Н. Островский, брат знаменитого писателя и драматурга А. Н. Островского, был выпускником юридического факультета Московского университета, усердным и опытным чиновником, прошедшим путь от коллежского секретаря канцелярии симбирского губернатора до председателя департамента законов Государственного совета, неоднократно участвовал в ревизиях губерний. А. С. Ермолов окончил Санкт-Петербургский сельскохозяйственный институт, государственную службу начинал в статусе служащего одного из департаментов Министерства государственных имуществ, работал в департаментах Министерства финансов, был ученым-агрономом и практиком сельского хозяйства.

Часть выявленных материалов хранится в архивных фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), а часть опубликована в виде отдельных изданий. Для определения соотношения представленного материала с дискутируемыми в тот период экологическими проблемами, принятыми государственными решениями в сфере природопользования были использованы законодательные акты, материалы о деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ, данные ряда научных экспедиций и т. п.

---

⁴ Елина О. Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII — 20-е годы XX в.: в 2 т. М., 2008; *Evtuhov C. Portrait of a Russian Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth century Nizhnii Novgorod*. Pittsburgh, 2011; Любимова Г. В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск, 2012; *Moon D. The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford, 2013; *Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.* История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.). Красноярск, 2015; *Obertreis J. Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen, 2017; *Истомина Э. Г.* Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII — начало XX в.). М., 2019; *Тяпкин М. О.* Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в. Барнаул, 2019; *Цинцадзе Н. С.* Государство, общество и природа в России конца XIX — первой трети XX века: танго втроем. СПб., 2019; *Козлов С. А.* Служение интересам всей страны: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 т. М., 2020; и др.

⁵ *Мун Д.* Изменяется ли климат в степной зоне России в XIX — начале XX в.: дискуссия современников // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 1. С. 25–46.

Хрупкий баланс между покорением природы и ее сбережением

Деятельность министерства в части хозяйственного природопользования отличала двойственность. С одной стороны, давало о себе знать стремление к максимально широкому вовлечению в хозяйственный оборот природных ресурсов, что проявлялось в политике покорения природы, приспособления ее под нужды экономики. Такой подход к эксплуатации природных ресурсов был частью общей политики государства. С другой стороны, у министров сложилось осознание пагубности неконтролируемой эксплуатации природных ресурсов страны, необходимости рационального и разумного сосуществования человека и природы. Не последнюю роль в этом сыграли их собственные наблюдения. Так, благодаря усилиям М. Н. Островского, занимавшего в 1881–1893 гг. должность министра государственных имуществ, было разработано, а в 1888 г. введено в действие «Положение о сбережении лесов». С целью защиты от чрезмерной рубки произрастававших по берегам рек лесов законодательно была введена категория водоохранных лесов. Благодаря этому закону около 900 тыс. десятин казенного леса получили статус защитных⁶. Однако не все так было однозначно в деятельности министерства. Ему приходилось лавировать между задачами максимального хозяйственного использования ресурсов природы, в том числе с экспортной целью, и восполнения понесенных ею потерь. Иногда деградация была настолько очевидна и опасна для общества, что приходилось сдерживать обороты природопользования. Например, в 1884 г. был введен запрет на лов волжской сельди для того, чтобы не истощить ее запасы⁷.

Большой интерес у министров вызывала восточная часть страны. В 1884 г. по итогам командировки на Урал М. Н. Островский отмечал обширные природные богатства этой части страны. Однако, по его мнению, научное исследование и геологическая разведка запасов полезных ископаемых осуществлялись слабо и урывками. При этом он заметил, что состояние казенных лесов оставляло желать лучшего⁸. В следующем году министр побывал в Олонецком крае⁹. Примечательно, что на отчете Островского Александр III собственноручно оставил надпись: «Любопытно, назидательно, но грустно». Сожаление венценосного монарха вызывало сообщение министра о неудовлетворительном и ветхом состоянии казенных горных заводов в Олонце. И это понятно, ведь заводы времен Петра I требовали капитального ремонта и технического переоснащения. Александровский чугунолитейный завод потерял свое важное значение из-за перехода в артиллерийских войсках с чугунных на стальные орудия и снаряды. Другой проблемой был низкий уровень разработки основных природных богатств губернии вследствие труднодоступности и малонаселенности края. Олонец был богат минеральными ресурсами (железные, медные руды, золото и др.) и полезными ископаемыми (глина, песчаник, мрамор, антрацит, соляные рассолы и пр.). Еще большее богатство Олонецкой губернии со-

⁶ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерство земледелия и государственных имуществ) в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1901. С. 133.

⁷ Там же. С. 158.

⁸ Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке на Урал в 1884 году. СПб., 1885.

⁹ Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Олонецкий край в 1885 году. СПб., 1886.

ставляли ее леса. Однако вывоз природных ресурсов в Петербург был затруднен из-за неразвитости железнодорожного строительства, неудобства водного транспорта: местные реки изобиловали большим количеством порогов¹⁰.

М. Н. Островский предлагал активнее развивать в Олонецком крае горнопромышленное производство, в том числе на случай военных действий близ западных границ Российской империи. Для этого надо было посредством рек, озер, каналов соединить Онежское озеро с Белым морем, превратив Олонец в центр выгодного торгового пути на северо-западе страны. Казне следовало выделить средства на техническую и материальную модернизацию горных заводов. Для снижения расходов на их содержание он рекомендовал часть из них временно закрыть, а Александровский завод перепрофилировать на изготовление продукции для других заводов¹¹. Подобный подход основывался на идее преобразования природы с учетом экономических выгод для того, чтобы повысить обороноспособность России. Эта мотивация всегда лежала в основе государственной ресурсной политики. Ярким ее выразителем был Петр I, стремившийся поставить на службу государству не только общество, но и природу России. Ему же принадлежит амбициозная идея соединения двух великих рек — Волги и Дона. Правда, реализована она была уже другим правителем — И. В. Сталиным в 1952 г., когда был открыт Волго-Донской судоходный канал, построенный за невообразимо короткий срок — четыре года.

Наглядным выражением сочетания покорения природы и ее восстановления в политике министерства является сформулированная М. Н. Островским задача «борьбы с окружающей природой» применительно к решению проблемы маловодности Калмыцкой степи в Астраханской губернии. Несмотря на довольно резкую и однозначную формулировку задача включала гораздо более широкий смысл, нежели теперь мы вкладываем в него. «Борьба» с природой не имела негативной направленности. Скорее, речь шла об изменении неблагоприятных для проживания людей природных условий путем научно обоснованного вмешательства в природу, исправления последствий неразумной хозяйственной деятельности человека. Так, в 1882–1885 гг. под руководством генерал-майора И. И. Жилинского в Калмыцкой степи проводились обводнительные и оросительные работы. В 1890-х гг. М. Н. Островский предлагал императору их продолжить¹². С учетом тяжелых последствий засухи 1891 г. предложение министра было актуально, поэтому на восстановление и ремонт обводнительных сооружений правительство выделило населению пострадавших губерний полмиллиона рублей¹³. Помимо экспедиции И. И. Жилинского, в 1892 г. при Лесном департаменте министерства была образована экспедиция под руководством В. В. Докучаева для облесения и обводнения степей юга России, а в 1894 г. — межведомственная экспедиция для исследования истоков главнейших рек России под руководством генерала А. А. Тилло. Наряду с этим членами Геологического комитета проводились отдельные геологические изыскания¹⁴.

¹⁰ Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Олонецкий край в 1885 году. С. 1–5, 15–25.

¹¹ Там же. С. 29–33.

¹² Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 году. СПб., 1892. С. 20–26.

¹³ Краткий очерк оросительного дела в России / отдел земельных улучшений. М., 1895. С. 6–11.

¹⁴ Там же. С. 142–143.

Параллельно с гидротехническими мероприятиями в Калмыцкой степи осуществлялось искусственное лесоразведение. Впервые проведенные в 1846–1862 гг. опыты по степному лесонасаждению оказались успешными и были продолжены в последующие десятилетия. В результате площадь лесных насаждений в степи неуклонно росла¹⁵. Важной проблемой Астраханской губернии являлась самовольное заселение и интенсивная распашка степи, провоцировавшие рост площади песков, которые вытесняли удобные для земледелия участки почв. Пески имели тенденцию разрастаться вглубь степи. Разносимые ветром они засыпали другие хозяйственные угодья, нанося урон сельскому хозяйству. Ответной мерой министерства было проведение работ по укреплению летучих песков. Для этого требовалось ускорить межевую съемку Калмыцкой степи, о чем Островский писал царю¹⁶. Примечательно, что препятствие для хозяйственного процветания края министр усматривал в имевшей сильное влияние на большинство калмыков буддистской религии ламаистского толка. В частности, согласно верованиям калмыков, воспрещалась любая преобразовательная деятельность природы, что шло вразрез с государственными интересами. В связи с этим министр предлагал усилить работу по русификации и христианизации калмыков, сократить численность и влияние местного духовенства¹⁷.

Большой вклад в развитие ведомства внес А. С. Ермолов, стоявший во главе него с 1893 по 1905 г. Благодаря тому, что он был не только чиновником, но и ученым, он оставил ценные наблюдения в исследуемой нами сфере деятельности. Министр, будучи автором многих фундаментальных научных работ в области аграрной науки и практики, сторонник рационального ведения сельского хозяйства, анализировал проблемы природопользования глубоко и профессионально. При нем в 1894 г. с целью дальнейшего развития мелиоративных работ в составе министерства был образован отдел земельных улучшений, в 1903 г. — Гидрологический комитет. А. С. Ермолов ратовал за создание специальной межведомственной комиссии для обсуждения и решения проблемы аграрного перенаселения, истощения природных ресурсов центрально-черноземных губерний¹⁸. Это предложение было реализовано позже: в 1899–1901 гг., когда было организовано «Особое совещание для выяснения общих и основных причин экономического упадка группы губерний центрально-черноземной полосы Европейской России» (комиссия под руководством В. И. Ковалевского, директора одного из департаментов Министерства финансов), и в 1901–1903 гг., в период работы так называемой Комиссии о Центре под председательством товарища министра финансов В. Н. Коковцова по вопросу об исследовании экономического положения среднечерноземной полосы Европейской России.

Сразу же после вступления в должность А. С. Ермолов совершил ознакомительную поездку по Российской империи. В ходе нее министр заметил недостатки применения на практике «Положения о сбережении лесов» 1888 г. Например, в слу-

---

¹⁵ Всеподданнейший доклад министра государственных имуществ по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 году. СПб., 1892. С. 27–28.

¹⁶ Там же. С. 39–41.

¹⁷ Там же. С. 51–63.

¹⁸ Доклад и переписка об организации совещания для обсуждения проекта узаконений о производстве земельных улучшений в Европейской России // РГИА. Ф. 426. Оп. 1. Д. 275. Л. 1–3, 9.

чаях признания рубки леса опустошительной и перевода лесов в разряд защитных зачастую не учитывались местные условия лесистости. Широко распространен был и необоснованный перевод лесов в категорию защитных. Так, в Крыму защитными признавались лесные участки, которые использовались для выпаса коз и не подлежали естественному лесовозобновлению. В Тверской губернии защитным лесом признавались заросшие лесом пашни или покосы, в то время как леса по берегам реки Волги и ее притоков водоохранными не являлись. При этом о необходимости включения 3–5-верстного прибрежного лесного пространства в категорию защитных лесов говорили даже частные землевладельцы.

По мнению Ермолова, причиной тому была нечеткая формулировка норм закона, вызывавшая неправильное толкование и применение его на местах. Так, в законе было неоднозначно определено понятие «опустошительная рубка», поэтому в одних губерниях штрафовали за рубку, объем которой превышал годовую норму, а в других это не признавалось нарушением. Аналогично дело обстоит с лесными расчистками. В Тверской губернии ограничения лесных расчисток препятствовали ведению подсечно-огневого земледелия. В Крыму лесоохранительные комитеты не разрешали расчищать под виноградники вытоптаные скотом лесные участки. Между тем, как считал министр, польза для почвы от виноградников была намного выше, чем от редкого кустарника. Проблема крылась также в подходе к межеванию земель, при котором определялась только площадь частновладельческих лесов, а не их качественный состав, что, по рекомендациям министра, следовало учитывать¹⁹.

Общий уровень развития лесного хозяйства А. С. Ермолов признал крайне неудовлетворительным. Причинами бесхозяйственного содержания казенных лесов были бюрократизация управления лесным хозяйством страны. Много неурядиц возникало из-за отсутствия границ в лесах, чем пользовались крестьяне и вели там несанкционированные рубки. Ненормированный, бесплатный или по минимальной цене отпуск казенного леса крестьянам и церкви также пагубно сказывался на состоянии лесов, ведь легко доставшийся лес перепродавался или подвергался сплошной вырубке.

Надзор за казенными лесами признавался А. С. Ермоловым «недостаточным и крайне затруднительным», что провоцировало самовольные порубки и выпас скота в них. Для усиления контроля за лесами министр предлагал разукрупнить лесные участки. Кроме того, высокопоставленный чиновник отметил замусоренность лесов валежником и сухостоем. Для исправления ситуации Ермолов предлагал выплачивать лесничим за эту работу часть от лесного дохода в виде премии. Лес страдал также от перестоя и вредных насекомых, борьбе с которыми не уделялось должного внимания. Министр считал необходимым интенсифицировать мероприятия по укреплению песков и облесению оврагов, тем более запросы об этом активно поступали из многих губерний²⁰. В 1890-х гг. усилиями отдела земельных улучшений стали повсеместно укрепляться овраги, особенно на склонах больших рек. Лесной департамент занимался укреплением песков и лесонасаждением²¹.

---

¹⁹ О поездке управляющего Министерством государственных имуществ по разным губерниям России летом 1893 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 38. Л. 11–15.

²⁰ Там же. Л. 29–37 об., 47а–47а об.

²¹ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ... С. 75–94.

В 1895 г. А. С. Ермолов совершил поездку в Олонецкий край, северо-восточные губернии и на Урал. В центре внимания инспекции находилось как лесное, так и горное дело. В Олонецком крае главной проблемой была усиленная рубка казенного леса крестьянами, получившими лесные участки в качестве наделов. Зачастую, помимо положенных по крестьянской реформе 1861 г. 15 десятин, крестьяне фактически пользовались наделами площадью 50–100 и даже 200 десятин. Промышленники провоцировали крестьян рубить лес на продажу. Введенный запрет на продажу леса вызвал рост воровства, тайной рубки и сбыта леса, строевой и мачтовый леса стали рубить на дрова, а ценные породы дерева жгли для удобрения почв древесной золой. Масштабы лесоистребления беспокоили Министерство земледелия и государственных имуществ. Ермолов предлагал разрешить крестьянам продажу леса, но ее следовало поставить под контроль местных крестьянских обществ и лесничеств.

Неплодородные почвы Олонецкой губернии нуждались в минеральных удобрениях, травосеянии, развитии огородничества. Это могло принести больше урожая, о чем свидетельствовал опыт соседней Финляндии. Требовалось открыть опытные поля. Осушение болот, приостановленное ввиду отсутствия финансирования, также могло способствовать успешному развитию местного скотоводства. Весьма большие перспективы министр видел в увеличении промышленных объемов рыболовства и добычи жемчуга в Олонце. Для этого требовалось развивать железнодорожный транспорт, который позволил бы вывозить рыбу и жемчуг за пределы региона. Относительно богатых залежей железных и медных руд, серебра, золота, графитового сланца, мрамора, песчаника, гранита и т. п. позиция министра была ясна и понятна — природные ресурсы следовало энергично извлекать, искать новые месторождения. Например, активно велась разведка каменного угля близ села Кочкамского, оживились старые казенные, появлялись новые, частные горные заводы. Причиной тому было проведенное с 1885 г., со времени ревизии казенных заводов М. Н. Островским, техническое переоснащение, модернизация производства. Благодаря этому заводы из убыточных превратились в приносящие казне доход²².

Министр сообщал о том, что леса Новгородской губернии к концу XIX в. вследствие активной лесопромышленной деятельности заметно истощились. Если ранее лесопромышленники рубили казенные леса, то после введенных ограничений стали скупать под рубку частные, что наносило огромный вред. Запрет на сплошную рубку леса при одновременном осуществлении лесовозобновления хоть немного, но компенсировал варварские лесные рубки. При этом министр ратовал за строительство железных дорог на Севере империи, с тем чтобы благодаря полученному доступу к «нетронутым природным богатствам», расширению возможностей для заработка местного населения оживилась бы экономика Северо-Запада страны и России в целом.

В Нижегородской, Казанской, Уфимской, Вятской и Пермской губерниях А. С. Ермолов встретил применяемые частными землевладельцами и крестьянами практики искусственного лесовозобновления на участках, ранее подвергавшихся

---

²² Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Олонецкий край, Верхне-Волжские губернии и на Урал осенью 1895 года. СПб., 1896. С. 1–17, 21, 24–27.

хищническому лесоистреблению. Министр распорядился оказать помощь таким сознательным крестьянским обществам путем бесплатной выдачи саженцев из казенных лесных питомников. В дополнение к этому он рекомендовал направить специалистов-инструкторов для оказания содействия крестьянам в деле лесовосстановления. При этом печальную картину представляли леса по склонам берегов Волги, которые были объявлены защитными сравнительно недавно, а потому еще не выросли после хищнического истребления.

Особую пользу чиновник видел в восстановлении дубовых рощ Казанской губернии. И дело было не только в ценности дуба для лесной экосистемы, но и в прибыли, которое приносило изготовление бочек для французского виноделия. Отдельное ассигнование требовали прореживание, прочистка, уборка сухостоя в лесах и др. Министр заключал: «Русская казна представляет собою наиболее крупного лесовладельца в России и даже, без сомнения, в целом мире. Необходимо достигнуть, чтобы она представляла собою пример и наиболее рационального ведения лесного хозяйства и прилагала бы наиболее забот к сохранению в неприкосновенности того богатого достояния, которое заключается в принадлежащих ей лесах»²³.

Местное население волжских губерний жаловались министру на оскудение рыбных запасов на реке Каме. Ермолов предлагал законодательно оградить рыбные богатства от полного их истощения, расширить практику искусственного рыбозаведения. Требовалось также пересмотреть основы «Правил об охоте» 1892 г., с тем чтобы защитить популяцию редких и вымиравших видов животных и не допустить чрезмерного роста грызунов, наносивших вред сельскому и лесному хозяйствам²⁴. Осенью 1897 г. министр побывал в Астраханской губернии и Кавказских Минеральных Водах. Он вновь столкнулся с известными для Волжского и Каспийского бассейнов проблемами — хищническим ловом рыбы и браконьерством. И опять же предписывал вести борьбу с этим²⁵. Результатом стал введенный в 1903 г. запрет на лов рыбы в период с 5 мая по 15 июля, который позволил сохранить рыбные запасы страны от массового уничтожения²⁶. В Азовском и Черном морях в 1909 г. был запрещен траловый лов рыб, на следующий год были введены запретные периоды на лов не только красной, но и промысловой рыбы. Параллельно с этим также было урегулировано рыболовство в северных морях²⁷.

На Урале министр рекомендовал активнее вести работу по изучению запасов недр. Особое внимание следовало обратить на интенсификацию золотопромышленного производства, поиск, освоение месторождений золота и платины. Добыча золота тормозилась неурегулированным вопросом земельного межевания (предполагаемые золотые жилы находились на участках крестьян и местных башкир, которые запрашивали высокие арендные платежи за геологическую разведку на своих наделах), элементарным воровством и продажей добытого драгоценного металла в Китай и другие азиатские страны. Золотодобыче мешали также суровой климат,

²³ Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Олонекский край, Верхне-Волжские губернии и на Урал осенью 1895 года. С. 28–35, 42–50.

²⁴ Там же. С. 61, 62.

²⁵ О поездке министра // РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 65. Л. 59–60 об.

²⁶ *Пушкарев Н. Н.* Краткая история и обзор действующих правил рыболовства в России. СПб., 1904. С. 10, 19.

²⁷ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности: (1837–1912 гг.) / сост. Г. К. Гинс, П. А. Шафранов. Пг., 1914. С. 346, 348, 350–352.

недостаток воды для промывания руды на приисках, высокая горная подать от 3 до 10 % в зависимости от местности. Ермолов настаивал на необходимости сохранить земельные, лесные и рудные богатства в руках государства, которое в интересах следующих поколений смогло бы уберечь их от хищнической эксплуатации ради сиюминутной наживы отдельных представителей общества. Так, с целью компенсации сокращения площади казенных заводских лесов ведомством велись работы по искусственному лесоразведению²⁸.

Оскудевший Центр, засушливое Поволжье и сибирское Эльдorado

Стоит признать, что вопрос рационального и бережного отношения к природным ресурсам долгое время находился в сфере экономики как один из ее аспектов, сопряженный с издержками развития комплекса народного хозяйства. В Российской империи экономическая эксплуатация ресурсов в целом сопровождалась пониманием важности восстановления и возобновления природных ресурсов. Об этом свидетельствуют и министерские доклады о результатах их поездок по стране. При этом, по солидарному мнению профильных министров, обширность территории Российской империи и богатые запасы лесных, водных, биологических, минеральных и иных ресурсов не позволили сформироваться экономному принципу их расходования. В основе хозяйствования государства и общества, жившего в парадигме перманентной внутренней колонизации, находился экстенсивный подход, в сочетании с беспечностью и расточительностью. О необходимости переориентации экономики страны с сырьевой на промышленную основу писал Петру I еще в 1724 г. экономист и публицист И. Т. Посошков²⁹. Во многом это пожелание осталось актуальным до сих пор.

На рубеже XIX и XX вв. взоры государства обратились на Сибирь как на регион, богатый различными природными ресурсами, потенциальную территорию для проживания избыточного населения Европейской части страны. Грандиозным событием стало строительство Транссибирской железной дороги. В связи с этим министры неоднократно совершали командировки в Сибирь. Попутно они отмечали уровень развития сельского, лесного и горного хозяйств азиатской части России, выявляли экологические проблемы ее колонизации. В частности, А. С. Ермолов по результатам поездки в Сибирь осенью 1895 г. выделил проблему неурегулированности поземельных отношений между старожилами и новопоселенцами. Он предлагал юридически закрепить земельные права местного населения посредством выдачи старожилам «владенных документов» на их наделы.

Кроме этого, в Сибири требовалось навести порядок в лесопользовании. Путем ужесточения лесоохранительных мер следовало бороться с хищническим лесосостреблением³⁰. Ермолов обращал внимание императора на высокие темпы исчезновения лесов в Сибири из-за отсутствия до середины 1880-х гг. государственного контроля за ними. Безграничная и бесплатная свобода пользования лесом, наличие запасов леса воспитала привычку неэкономного его хозяйственного ис-

²⁸ Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Олонецкий край, Верхне-Волжские губернии и на Урал осенью 1895 года. С. 81–83, 95, 110–126.

²⁹ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 146.

³⁰ О поездке министра осенью 1895 г. // РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 57. Л. 47 об., 48.

пользования. Много лесов погибало в пожарах. На восклицание министра о том, что не меньший ущерб лесам наносила ежегодная рубка деревьев для заграждения дорог от снежных заносов, Николай II пометил на полях доклада: «Это повторяется каждую зиму (подчеркнуто императором. — *Н. Ц.*) и в Европейской России!» По единодушному мнению царя и министра, вопрос о сохранении лесных богатств в интересах строившейся тогда Транссибирской железной дороги, населения Сибири и Европейской России являлся первостепенным. Оба поддерживали идею о рациональной эксплуатации еще сохранившихся лесов, искусственном лесовозобновлении, создании новых лесничеств, увеличении численности лесной стражи³¹.

В связи с ростом темпов переселения в Сибирь, практиковавшимся экстенсивным типом хозяйствования в некоторых районах Енисейской губернии возникли проблемы нехватки удобной земли, малоземелья и истощения почв. «Таким образом, почти беспредельные, на первый взгляд, пространства Сибири, на самом деле далеко не представляют собою неисчерпаемого земельного фонда», — заключал А. С. Ермолов. Министр отмечал стремление крестьян к максимальной запашке целинных земель и игнорирование интенсивной системы полеводства. Для расширения удобной для сельского хозяйства и проживания территории планировалось осушение болот, обводнение степей и иные мелиоративные мероприятия, разведка новых участков, постепенное заселение тайги. Крестьяне, не ожидая государственной помощи, в ряде мест сами вели работы по повышению плодородия своих участков. Так, в Тобольской губернии переселенцы удобряли земли навозом, а в южной части Енисейской губернии крестьяне применяли искусственное орошение сенокосных и пашенных угодий³².

Летом 1896 г. министр совершил поездку в центрально-черноземные губернии России для того, чтобы осмотреть некоторые образцовые частные хозяйства. В черновом варианте доклада об этой поездке содержатся любопытные размышления высокопоставленного чиновника о состоянии сельского хозяйства и мерах по выводу его из кризиса. Судя по сделанной министром в конце документа приписке, он составил этот доклад с целью обратить внимание государя на необходимость развития сельского хозяйства, решения накопившихся в нем проблем. Вначале он сообщал о том, что в период упадка сельского хозяйства некоторые частные хозяйства (к тому времени их по империи насчитывалось 18) успешно вели интенсифицированный тип хозяйства: высаживали разнообразные полевые культуры, применяли агротехнические методы обработки земли, орошали поля, улучшали скотоводство, занимались искусственным лесоразведением. Министр полагал, что подобную практику необходимо было поощрять льготным отпуском саженцев из государственных лесных питомников, направлением государственных техникумов-инструкторов в частные хозяйства для оказания консультативной помощи.

Основная часть крестьянских хозяйств, по его наблюдению, ослабла, увеличилось количество безлошадных. Состояние крестьянских полей было плачевным: пары не пахались вовсе, во время озимого посева семена разбрасывались прямо по зеленому пару и потом запахивались сохой, не производился взмет ярового жнивья. А. С. Ермолов констатировал, что вследствие упадка цен на хлеб крестьянская внеадельная аренда сократилась, земля превратилась в обременение для крестьян,

³¹ О поездке министра... Л. 59 об., 60, 64 об. — 66 об.

³² Там же. Л. 50, 51, 53, 57 об.

возросло их стремление к переселению из деревни. Однако при всех негативных условиях хозяйствования крестьяне все же стремились изменить свое положение к лучшему. Они развивали огородничество, садоводство. Например, в селе Лихая Поляна Корочанского уезда Курской губернии площадь садов была около 1 тыс. десятин. Зафиксировано несколько случаев крестьянского лесоразведения: в селе Крутой Лог на берегу Донца крестьяне для дужного промысла завели собственные плантации дужной ивы. Близость свеклосахарного и винокуренного заводов обеспечивала их промысел работой³³.

Будучи в поездке по Сибири летом 1898 г. и проезжая по территории Черноземья и Поволжья, министр вновь столкнулся с удручающим состоянием крестьянских хозяйств, в котором они оказались после засух 1891 и 1897 гг.³⁴ В Сибири, как и в европейской части России, проводились мелиоративные мероприятия, оказывалась агрономическая помощь населению, расширялось сельскохозяйственное образование и др. Ермолов вновь обратил внимание на необходимость упорядочения лесного хозяйства, усиления контроля над государственными лесами Сибири³⁵.

В последующих отчетах министра о поездках в различные районы империи также содержатся его наблюдения о состоянии огромного государственного хозяйственного комплекса, отдельных его отраслей, предложения о мерах их развития. Общие выводы содержат и указания на отдельные огрехи в государственной хозяйственной политике и ее достижения. Так, в 1902 г. по итогам командировки на Кавказ Ермолов писал о том, что семена, выделяемые лесным школам по льготной цене или бесплатно из казенных питомников, потом продавались в России и за границу. В то же время отмечались высокие темпы искусственного лесоразведения в ряде черноземных губерний³⁶.

Заключение

Важную роль в информационном обеспечении верховной власти в области реализации политики природопользования играли поездки министров земледелия и государственных имуществ по стране. Изучение негативных последствий природопользования не было главной целью министерского инспектирования, а происходило попутно с оценкой работы ведомства, надзора за состоянием природно-хозяйственного комплекса, результатов социально-экономических преобразований. При этом именно благодаря такому «случайному» обнаружению они попадали в поле зрения государственной власти и по отношению к ним принимались важные управленческие решения. В орбиту внимания министров попали практически все выявленные к тому времени природные ресурсы страны: от почв, лесов, вод до редких полезных ископаемых. При этом минеральные ресурсы и полезные ископаемые Урала и Сибири рассматривались в качестве основы для сырьевого экспорта и развития промышленного сектора экономики. Во многом их состав и запасы были не изучены, что являлось важной государственной задачей. На Сибирь

³³ Там же. Д. 65. 71–81.

³⁴ Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. СПб., 1899. С. 2–3.

³⁵ Там же. С. 34–39.

³⁶ Поездка министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова в 1902 году по ряду губерний внутренней России и на Кавказ. СПб., 1903. С. 6–8.

смотрели как на русское Эльдorado, кладовую природных запасов, которые представлялись практически неисчерпаемыми.

Природовосстановление в позднейимперский период не компенсировало в должной мере нанесенный природе антропогенный ущерб. По мере ускорения темпов модернизации было крайне трудно удерживать баланс между покорением природы и ее сбережением. Причины были не столько в непонимании экологических проблем и нежелании власти тратиться на восстановительные работы, сколько в том, что первоочередными для государства оставались проблемы экономики и геополитики. Природа страны часто приносилась в жертву государственным приоритетам.

References

- Durnovtsev V.I. Rossiiskaia ekologicheskaiia istoriia (Environmental History): shtrikhi k nedorisovannomu portretu. *Problemy ekologicheskoi istorii / istorii okruzhaiushchei sredy, vyp. 1*. Moscow, Russian State Humanitarian University Press, 2019, pp. 17–31. (In Russian)
- Elina O. Yu. *Ot tsarskikh sadov do sovetских polei. Istoriia sel'skokhoziaistvennykh opytных uchrezhdenii, XVIII — 20-e gody XX veka*. Moscow, Egmont-Russia Publ., 2008, vol. 1, 479 p.; vol. 2, 487 p. (In Russian)
- Evtukhov C. *Portrait of a Russian Province: Economy, Society, and Civilization in Nineteenth Century Nizhnii Novgorod*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2011, 320 p.
- Gaidin S.T., Burmakina G.A. *Istoriia okhotnich'ego i rybnogo khoziaistva Prieniseiskogo regiona (1822–1991 gg.)*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University Press, 2015, 370 p. (In Russian)
- Istomina E. G. *Lesa Rossii: ekologicheskaiia i sotsioekonomicheskaiia istoriia (XVIII — nachalo XX v.)*. Moscow, Quadriga Publ., 2019, 358 p. (In Russian)
- Kozlov S.A. *Sluzhenie interesam vsei strany: moskovskoe obshchestvo sel'skogo khoziaistva (1820–1930 gg.)*. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020, vol. 1, 588 p.; vol. 2, 688 p.; vol. 3, 272 p. (In Russian)
- Liubimova G.V. *Ocherki istorii vzaimodeistviia sel'skogo naseleniia Sibiri s prirodnoi sredoi (na materialakh russkoi zemledel'cheskoi traditsii)*. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS Press, 2012, 208 p. (In Russian)
- Moon D. *Izmeniaetsia li klimat v stepnoi zone Rossii v XIX — nachale XX v.: diskussiia sovremennikov*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2013, no. 1, pp. 25–46. (In Russian)
- Moon D. *The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1914*. Oxford, Oxford University Press, 2013, 319 p.
- Obertreis J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2017, 536 p.
- Pushkarev N.N. *Kratkaia istoriia i obzor deistvuiushchikh pravil rybolovstva v Rossii*. St Petersburg, Tip. V.F. Kirshbauma Publ., 1904, 42 p. (In Russian)
- Radkau J. *Nature and Power: A Global History of the Environment*. Cambridge, German Historical Institute and Cambridge University Press, 2008, 448 p. (Russ. ed.: Radkau I. *Priroda i vlast'. Vsemirnaia istoriia okruzhaiushchei sredy*. Moscow, HSE University Press, 2014, 472 p.)
- Tsintsadze N.S. *Gosudarstvo, obshchestvo i priroda v Rossii kontsa XIX — pervoi treti XX veka: tango vtroem*. St Petersburg, Aleteia Publ., 2019, 570 p. (In Russian)
- Tyapkin M. O. *Gosudarstvennaia lesokhrannaia politika v Zapadnoi Sibiri v XVIII — nachale XX v.* Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Press, 2019, 496 p. (In Russian)
- Voronov I.I. *Ministr gosudarstvennykh imushchestv M.N. Ostrovskii*. *Klio*, 2014, no. 10, pp. 116–119. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2021 г.

Рекомендована к печати 8 июня 2022 г.

Received: February 26, 2021

Accepted: June 8, 2022